

не задевает порочного человека: в противном случае сатира, вместо того чтобы исправлять людей, превращается в орудие личной мести и оскорбления. Такую же точку зрения излагал в «Эпистоле о стихотворстве» Сумароков, ее придерживались и журналы херасковского кружка.⁵

Реально памфлетная сатира (в творчестве того же Сумарокова) существовала в России несмотря на теоретические запреты. Но в 1769 г. изменилось ее понимание. «За видимой полемикой о допустимости сатиры „на лицо“, — пишет П. Н. Берков, — шла борьба за право писателя критиковать не только вредные общественные явления, но и виновников их, выражать свободно и открыто свое возмущение поступками „знатных особ“, не исключая и самой Екатерины. Спор о характере сатирической литературы превращался в борьбу за свободное общественное мнение».⁶ Отразив возникновение оппозиционного общественного мнения, полемика о сатире усилила и ускорила размежевание в литературе.

Наблюдения П. Н. Беркова над участием Чулкова в журнальных стычках как будто подводят к мысли (хотя автор ее и не формулирует), что Чулков равно враждовал со всеми издателями. Это же видимое многообразие полемики заставило в свое время В. Шкловского назвать Чулкова «писателем вне группировок».⁷ Однако, как кажется, при всей активности Чулкова-полемиста, у него были в современной литературе свои симпатии и антипатии.

Чулков был первым, кто откликнулся на опубликованный во «Всеякой всячине» призыв Екатерины II к писателям последовать ее примеру и приступить к изданию сатирических журналов. «И то и сьо» начал выходить еженедельно по вторникам с 13 января. Чулков уже знал о намерении «Всеякой всячины» исправлять нравы и о ее желании видеть, как «добрый вкус и здравое рассуждение <...> одною рукою прогоняют дурачества и вздоры, а другою доброе поколение всякия всячины за руку ведут».⁸

Между тем кое-что в новом журнале не понравилось «родоначальнице» сатирической журналистики. В третьем листе «И то и сьо» появилась статья, в которой издатель извинялся, что вовремя не обратился с приветствием к предшественнице. Он просил не истолковать его забывчивость в дурную сторону и подчеркнул, что вовсе не принадлежит к тем людям, «у которых шапки прибиты к голове алтынными гвоздями, которые обходят по три улицы, лишь бы не встретиться с человеком почтенным и достойным всякой чести и не помять головной своей по-

⁵ Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, с. 98—101.

⁶ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 173. Далее: Берков. История журналистики.

⁷ Шкловский В. Чулков и Левшин. Л., 1933, с. 79.

⁸ Всякая всячина, 1769, л. 1, с. 3 (нenum.). Далее при ссылках в тексте сокращенно — ВВ (с указанием страниц).